

НИЛ ГЕЙМАН

ДЫМ
И ЗЕРКАЛА

Издательство АСТ
Москва

Эллен Дэтлоу и Стиву Джонсу

Но там, где есть чудовище, есть и чудо.
Огден Нэш. Драконы теперь слишком редки

Гадание по внутренностям

Рондель

— От меня это не зависит, — сказала она. — Все растут! Не могу же я одна не расти!

— Одна не можешь, — сказал Шалтай-Болтай, — а вдвоем гораздо проще. Позвала бы кого-нибудь на помощь — и к семи годам могла бы уже остановиться.

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье.

И скажут: случай то, удача — или рок,
Легли так карты, звезды встали в ряд.
И этот счет отдать тебе велят
За ласку и за зло, — всему свой срок.
Ты в будущее заглянуть не смог?
Я дам ответ, но будешь ты не рад.
Пусть скажут: случай то, удача — или рок,
Легли так карты, звезды встали в ряд.

Я ночью, милый, отыщу предлог,
Во сне почувешь мой холодный взгляд.
Я часа жду исполнить свой обряд,
Чтоб показать судьбы твоей итог.
И скажут: случай то, удача — или рок.

Предисловие

Когда пишешь — словно летаешь во сне. Ты все помнишь. Все можешь. У тебя все получается. И это так легко.

Из дневника автора.

Февраль 1992.

Все дело в зеркалах. Звучит, конечно, банально, но это так. С помощью зеркал, поставленных под углом в сорок пять градусов, показывали фокусы еще в викторианские времена, больше ста лет назад, когда научились в массовых количествах производить чистые качественные зеркала. В 1862 году Джон Невил Маскелин начал с того, что приладил зеркало к платяному шкафу, и сделал это так ловко, что оно скрывало больше, чем показывало.

Зеркало — удивительная вещь. Оно словно бы говорит все как есть, отражая для нас реальный мир, но стоит его повернуть, и оно станет так убедительно лгать, что вы поверите, будто некий предмет растворился в воздухе, коробка с голубями, цветными лоскутками и пауками пуста, а люди, спрятанные за кулисой или в оркестровой яме, — это парящие над сценой призраки. Выберите верный угол — и зеркало станет волшебным окном: оно покажет все, что вы в состоянии вообразить, а может, кое-что и похлеще.

(В то время как дым размывает контуры предметов.)

Истории — в каком-то смысле зеркала. Они нужны нам, чтобы объяснять себе устройство мира и его нестро-

Нил Гейман

ение. Как и зеркала, истории готовят нас к грядущему дню. Отвлекают от того, что притаилось во тьме.

Вся художественная литература — это, в сущности, фэнтези, а фэнтези и есть зеркало. Несомненно, кривое — или, как у фокусника, повернутое к реальности под углом в сорок пять градусов, но тем не менее зеркало, и пользуясь им, мы учимся говорить о вещах, которых иначе можно и не увидеть. (*Волшебные сказки, как заметил Г. К. Честертон, — это больше, чем истина. Не потому, что в них утверждается, что драконы существуют, но потому, что в них говорится: драконов можно победить*¹.)

Сегодня первый день зимы. Небо стало серым и пошел снег, который не прекращался до глубокой тьмы. Я сидел в темноте и смотрел, как падает снег, как блещут и мерцают снежинки, попадая в полосы света, и размышлял, откуда берутся истории.

О таких вещах обычно задумываешься, если зарабатываешь этим на жизнь. Я все еще не убежден, что подобное занятие пристало взрослому человеку, но теперь уже слишком поздно. Тем более что я избрал путь, который мне нравится и благодаря которому мне не приходится рано вставать. (Когда я был маленьким, взрослые предостерегали меня от сочинительства, предрекая, что со мной станет, если я их не послушаю. Теперь-то могу сказать вполне определенно, что последствия, в общем, таковы: я много путешествую, и мне не приходится рано вставать.)

Большинство историй в этой книге написаны на потребу издателям, которые просили меня что-нибудь сочинить для того или иного сборника рассказов («сборник про Святой Грааль», «...про секс», «...сказки для взрослых», «...секс и хоррор», «...месть», «...суеверия», «...снова секс»). Некоторые были написаны, что называется, для себя, а точнее — чтобы избавиться от образа или мысли, пригвоздив его или ее к бумаге; это самая веская причина из тех, что

Предисловие

я знаю: выпустить демонов, дать им полетать. Иные же написаны из прихоти: это капризы и странности, с которыми не удалось совладать.

Однажды я придумал историю в качестве свадебного подарка друзьям — про молодоженов, которым на свадьбу подарили историю. Вышло не слишком обнадеживающе. Уже придумав ее, я решил, что мои друзья, возможно, предпочли бы тостер, и подарил тостер, а историю так и не записал. И она сидит в дальнем уголке моей памяти в ожидании, когда кто-нибудь из тех, кто готовится к свадьбе, сможет ее оценить.

Мне пришло в голову (теперь, когда я пишу это предисловие: перьевой ручкой с синими чернилами на листке блокнота в черной обложке, если вам это интересно), что хотя большинство рассказов в этой книге посвящены любви в том или ином ее проявлении, в ней совсем немного счастливых историй, историй о воистину разделенной любви, которые уравнивали бы остальные; а еще что некоторые вообще не читают предисловий. Однако у кого-то там в один прекрасный день все же состоится свадьба. Так что тем из вас, кто читает предисловия, я представляю историю, которую тогда не записал. Если, когда запишу, она мне не понравится, я ее вымарая, и вы так и не узнаете, как вместо того чтобы дописывать предисловие, я принялся излагать на бумаге историю, засевавшую в моей голове.)

Свадебный подарок

После всех радостей и переживаний, после свадебной магии и безумств (и нелепой речи отца Белинды, сопровождавшейся показом семейных слайдов), когда медовый месяц в прямом смысле закончился (хотя в переносном еще нет), а их свежий загар еще не успел поблекнуть в

Нил Гейман

лучах осеннего английского солнца, Белинда и Гордон уселись разворачивать свадебные подарки и составлять благодарственные письма за тостеры, полотенца, соковыжималки, чудопечки, столовые приборы, посуду, чайники и занавески.

— Ну вот, — сказал Гордон. — С крупными предметами покончено. Что у нас осталось?

— Конверты, — ответила Белинда. — Должно быть, чеки.

Действительно, в конвертах оказались чеки, подарочные карточки, а также десятифунтовая карточка на покупку книг от Гордоновой тети Мэри, бедной, как церковная мышь, но очень милой, приславшей ему такие карточки на день рождения, сколько он себя помнил. И наконец, в самом низу огромной стопки, они обнаружили большой коричневый конверт для деловой корреспонденции.

— Что это? — спросила Белинда.

Гордон вскрыл конверт и достал желтоватый лист бумаги, сверху и снизу неровно оборванный, на котором виднелись несколько строк, напечатанных на пишущей машинке, а Гордон уже несколько лет не держал в руках машинопись. Он медленно прочел написанное.

— И что же? — повторила Белинда. — От кого письмо?

— Не знаю, — ответил Гордон. — От того, у кого сохранилась дома пишущая машинка. Оно не подписано.

— Но это письмо?

— Не совсем, — ответил он, почесал нос и снова принялся читать.

— Ах вот как! — сказала она с раздражением (хотя все не была раздражена; она была счастлива. Она просыпалась по утрам и проверяла, так же ли счастлива, как накануне вечером, когда укладывалась спать, или когда Гордон будил ее по ночам, или когда она будила Гордона. Да, так же). — И что же это?

— Что-то вроде рассказа о нашей свадьбе, — ответил он. — Очень мило. Вот, держи, — и протянул ей листок.

Предисловие

Она пробежала его глазами.

В этот ясный день начала октября Гордон Роберт Джонсон и Белинда Карен Эбиндон поклялись, что будут любить, поддерживать и почитать друг друга до конца своих дней. Очаровательная невеста сияла, жених был радостен и взволнован, но держался с достоинством.

Таким было начало. А дальше описывалась свадебная церемония — ясно, просто и с юмором.

— Действительно мило, — подтвердила она. — А что значится на конверте?

— «Свадьба Гордона и Белинды», — прочел он.

— А имя? Ничего, что указывало бы, кто отправитель?

— Ничего.

— Что ж, мило и остроумно, — сказала она. — С чьей-то стороны.

Белинда заглянула в конверт: вдруг увидит там что-нибудь еще, что они прежде не заметили, записку от друзей (ее, его или общих), но в конверте больше ничего не было. И тогда, со вздохом облегчения, что не надо писать еще одно благодарственное письмо, она положила кремовый листок обратно и засунула конверт в коробку, вместе с меню свадебного банкета, и приглашениями, и контрольками фотографий, и белой розой из букета невесты.

Гордон был архитектором, Белинда — ветврачом. И для обоих то, что они делали, было не работой, но призванием. Им было чуть больше двадцати. Они никогда прежде не были женаты и даже всерьез влюблены. Они познакомились в клинике, куда Гордон привез свою тринадцатилетнюю Голди, золотистого ретривера — с седой мордой, полупарализованную — на усыпление. Собака жила у него с самого детства, и он хотел быть с ней до конца. Белинда вначале держала его за руку, когда он плакал, а потом, внезапно забыв о профессиональном долге, крепко обняла, словно желая, чтобы он разом выдохнул боль и го-

Нил Гейман

речь потери. Кто из двоих предложил встретиться вечером в местном пабе, они позднее так и не вспомнили.

Главное, что следует сказать о первых двух годах брака, — это то, что они были безоблачно счастливы. Время от времени они пререкались, ссорились по пустякам, а после мирились — со слезами бросались в постель и целовывали друг у друга слезы, шепча слова раскаяния. В конце второго года, через шесть месяцев после того, как перестала принимать таблетки, Белинда обнаружила, что беременна.

Гордон подарил ей браслет, украшенный рубинами, а свободную спальню приспособил под детскую, собственноручно переклеив обои. На обоях непрерывно чередовались персонажи детских стихов: Крошка Бо, Шалтай-Болтай и Тарелка, Сбежавшая с Ложкой².

Из роддома Белинда вернулась с маленькой Мелани в переносной кроватке, и к ним на неделю приехала ее мать, которая спала на диване в гостиной.

На третий день Белинда достала коробку, чтобы показать матери свадебные сувениры и вместе вспомнить, как это было. Свадьба казалась уже такой далекой. Они улыбнулись при виде засохшей бурой веточки, которая когда-то была белой розой, и вместе покудахтали над меню и приглашениями. На дне коробки лежал большой коричневый конверт.

— «Супружество Гордона и Белинды», — прочла мать.

— Это рассказ о нашей свадьбе, — сказала Белинда. — Очень милый. Там даже упоминается папина речь со слайдами.

Белинда открыла конверт и достала кремовый листок. Прочтя напечатанный на машинке текст, скорчила гримаску и, не говоря ни слова, вернула листок обратно.

— А можно мне посмотреть, детка? — спросила мать.

— Наверное, это Гордон пошутил, — сказала Белинда. — Но неудачно.

Предисловие

Вечером, когда Белинда, сидя на постели, кормила грудью Мелани, она спросила Гордона, который смотрел на жену и дочурку с глупой улыбкой на лице:

— Милый, зачем тебе понадобилось писать такое?

— Какое такое?

— Письмо. Письмо в конверте. Ты знаешь.

— Не знаю.

— Получилось не смешно.

Белинда указала на коробку, принесенную наверх и поставленную на туалетный столик. Гордон открыл ее и достал конверт.

— Тут всегда была такая надпись? — удивился он. — Мне казалось, тут было написано о нашей свадьбе. — Он вынул из конверта листок с оборванными краями, прочел, и на лбу у него собрались морщины. — Я этого не писал.

Он перевернул листок, словно ожидая что-то увидеть на обороте.

— Не писал? — переспросила она. — Правда не писал? — Гордон помотал головой. Белинда вытерла молоко с подбородка малышки. — Я тебе верю, — сказала она. — Я думала, что это ты, но это не ты.

— Не я.

— Дай-ка еще раз посмотреть. — Он протянул ей листок. — Вот странно! Я хочу сказать, не смешно и вообще неправда.

На листке машинописи содержалось краткое описание двух прошедших лет их совместной жизни. Это были несчастливые годы, утверждалось там. Через полгода после свадьбы Белинду укусил за щеку пекинес, да так сильно, что рану пришлось зашивать. Остался уродливый шрам. Но что хуже всего — оказался задет лицевой нерв, и она стала прикладываться к бутылке, возможно, чтобы заглушить боль. Она догадывалась, что Гордону отныне неприятно на нее смотреть, и рождение ребенка, так там говорилось, стало неудачной попыткой укрепить семью.

Нил Гейман

— Но зачем они это затеяли? — спросила она.

— Они?

— Ну, те, кто написал это ужасное письмо. — Белинда потрогала щеку: никаких шрамов, кожа гладкая. Она была очень красивой молодой женщиной, хоть и выглядела сейчас хрупкой и усталой.

— Почему ты сказала «они»?

— Не знаю, — ответила она, перекладывая малышку к левой груди. — Просто не пойму, кто вообще на такое способен. Написать все это, подменить прежнее письмо, дожидаться, пока один из нас это прочтет... Давай, Мелани, вот так, хорошо, моя крошка...

— Может, выбросить его?

— Да. Нет. Не знаю. Мне кажется... — Она провела ладонью по лбу дочурки. — Пусть будет. Вдруг понадобится как улика. Может, это проделка Эла? — Эл был самым младшим братом Гордона.

Гордон положил листок в конверт, конверт — в коробку, а коробку сунул под кровать, и со временем они о ней забыли.

Несколько следующих месяцев оба почти не спали из-за ночных кормлений и непрерывного плача: у Мелани болел животик. Коробка все это время оставалась под кроватью. Гордону предложили работу в Престоне, в нескольких сотнях миль на север, а Белинда еще не вернулась на свою работу и в ее ближайшие планы это не входило, так что она эту идею одобрила. И они переехали.

На мощеной булыжником улице они подыскали дом, такой же, как остальные: высокий, темный, старый. Белинда время от времени подрабатывала в ветеринарной клинике, лечила домашних животных. Когда Мелани было полтора года, Белинда родила сына, которого называли Кевин, в честь покойного дедушки Гордона.

Гордон к тому времени стал полноценным партнером в своей фирме. А когда Кевин начал ходить в детский сад, Белинда вернулась на работу.

Предисловие

Коробку они привезли с собой. Она стояла в одной из комнат наверху, под накренившейся стопкой номеров журнала «Архитектор» и «Архитектурного ревью». Белинда время от времени вспоминала о коробке и ее содержимом, а однажды вечером, когда Гордон уехал в Шотландию консультировать реконструкцию фамильного замка, она решила в нее заглянуть.

Дети уже спали. Белинда поднялась наверх, в неотделанную часть дома. Переложив журналы, открыла коробку, которая (в той ее части, что не была закрыта журналами) за два года покрылась заметным слоем пыли. На конверте по-прежнему значилось «Супружество Белинды и Гордона», и Белинда уже в самом деле не помнила, была ли надпись когда-либо другой.

Она достала из конверта листок и прочла. А потом отложила его и так и сидела, в этой пустой комнате, потрясенная и расстроенная.

На листке было аккуратно напечатано, что Кевин, ее второй ребенок, так и не родился; на пятом месяце у нее случился выкидыш. С тех пор Белинда страдала от приступов тяжелой депрессии. Гордон редко бывал дома, читала она, поскольку оказался втянут в отвратительную интрижку со своим компаньоном, эффектной, но очень нервной дамой на десять лет старше его. Белинда стала больше пить, она носила теперь стоячие воротники и шарфы, чтобы скрыть безобразный шрам на щеке. Они с Гордоном мало говорили, и лишь иногда у них случались мелкие пустячные ссоры, какие бывают у людей, опасующихся крупных ссор, поскольку если они скажут то важное, что осталось друг другу сказать, это разрушит их совместную жизнь.

Белинда умолчала о последней версии их супружества, написанной на том листке. Но Гордон сам прочел нечто подобное несколько месяцев спустя, когда заболела теща, и Белинда уехала ее проведать.